

Список литературы

- Агитационно-массовое искусство первых лет Октября: Материалы и исследования. М.: Искусство, 1971.
- Вашиш К., Бабурина Н.* Реальность утопии: Искусство русского плаката XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- Керженцев П. М.* Культура и советская власть. М.: Изд-во ВЦИК, 1919.
- Лебедевский М. С.* Живопись, рожденная Октябрем. М.: Искусство, 1986.
- Родченко А.* Опыты для будущего. М.: Изд-во «ГРАНТЪ», 1996.
- Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 31.
- Тугендхольд Я. А.* Живопись революционного десятилетия (1918–1927) // Тугендхольд Я. А. Из истории западноевропейского, русского и советского искусства. М.: Советский художник, 1987. С. 225–245.

УДК 069.016

Н. В. Веселкова

ФЕНОМЕН ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ¹

Школьные музеи рассматриваются с точки зрения их становления и работы в современных условиях, на материале социологического исследования небольших городов Свердловской, Челябинской областей и Пермского края. Причастность к большой истории в сочетании с культивированием местного масштаба в школьных музеях анализируются посредством концепций мультискалярности, коммеморативного ландшафта, через параметры дискурсивного позиционирования сверху или снизу, сочетания физических и нефизических элементов, открытости и закрытости.

Ключевые слова: масштабы, открытость / закрытость, милитаризация коммеморативного ландшафта, музеефикация советского, школьный музей

Музеи относят к ключевым современным институциям социальной памяти [см., напр., Дубин, 2011; Максимова, 2019], из этого представления мы исходили в своем исследовании социальной памяти поколений. В выборку вошли небольшие города трех уральских областей: Алапаевск, Заречный, Салда, Серов в Свердловской области, Златоуст и Сатка в Челябинской, Добрянка и Соликамск в Пермском крае. В 2018–2019 гг. нам удалось познакомиться в них с 42 музеями, включая 18 в школах и техникумах. Знакомство происходило посредством экскурсий-интервью с записью на диктофон и фотомэппингом, интервью с сотрудниками с использованием ментальных карт, за пределами музеев проводились мобильные и стационарные интервью с горожанами, анкетирование, групповые дискуссии со школьниками и студентами. Анализ строится на мультискалярном подходе, фокусирующем внима-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 18-011-00456 А «Масштабирование социальной памяти поколений в городах «старой» и «новой» индустриальности».

ние на взаимодействии пространственных и временных масштабов различной размерности [Kaiser, Nikiforova, 2006; Веселкова и др., 2017]. Музей рассматривается в контексте коммеморативного ландшафта, через параметры дискурсивного позиционирования сверху или снизу, сочетания физических и нефизических элементов, открытости и закрытости.

Распространение школьных музеев (далее ШМ) связано с начавшейся в XIX в. демократизацией музеев (обычно приводят в пример шеффилдский музей для рабочих, созданный в 1875 г. Дж. Рёскином, этот английский просветитель сильно вдохновлял наших соотечественников [см., напр., Бринкман, 1914]), с одной стороны, и образования, с другой. Помимо народных музеев еще один близкий тип, с которым иногда соотносят ШМ [см. Макеева, 2012], это детские музеи. В 1920-е гг. их активно продвигал в теории и на практике архитектор и педагог А. У. Зеленко, попытка воплотить его идеи недавно предпринята в Самаре, где открыт музей для детей «Зелёнка» [Зеленко 1925; 1927; Музей, 2018].

Непосредственно о ШМ в нашей стране активно заговорили в начале XX в. [Царицынский, 1912; Хитков, 1913; см. обзор: Юхневич, 2001, с. 99–100], в 1920-е гг. они участвовали в экспериментах школьной системы, в 1930-е, когда в одном только 1932/33 г. Наркомпрос РСФСР предписывал единовременную организацию 500 школьно-политехнических музеев [см. Молодчикова, 1933, с. 10], пережили эпоху политехнизации образования. Массовый характер ШМ приобретают в 1950-е гг., новый толчок и одновременно унифицирующее воздействие оказывают «Положения о школьном музее» 1974 и 1985 гг., дальнейшая история включает кризис 1990-х гг. и последующий подъем на измененных основаниях [Юхневич, 2001; Леонов, 2011].

Ориентация на непривилегированные аудитории – рабочих, детей, со ставкой на их активную творческую роль, не только рациональное, но и аффективное восприятие, характерные для рубежа XIX–XX вв., делает ранний опыт весьма актуальным в связи с тенденциями деколонизации и аффективного поворота в деятельности музеев и ее изучении. ШМ не только начала XX в., но и наших дней видится «по преимуществу музеем детского творчества и детского труда» [Леонов 2011, с. 47], однако реальность далека от подобного визионерства. Описанные ярославскими авторами типичные «болезни»: превращение ШМ в кладбище артефактов, затухание с уходом руководителя-энтузиаста или использование лишь в представительских целях, для особых гостей и в дни школьных праздников [Страхова, Харитоновна], прослеживается и на уральских реалиях.

Сопоставление наших данных с текущей литературой показывает, что ШМ оперируют стандартным набором тем, красной нитью среди которых проходит Великая отечественная война [ср.: Павлова, 2015, с. 451–452];

во многих случаях военная тематика продолжается экспозициями об Афганистане и др. военных конфликтах – это относительно недавние разделы экспозиций. Другие распространенные сюжеты – история школы, история края и конкретного населенного пункта, история предприятия. Так, музей школы № 90 г. Златоуста создавался в 1989 г. как музей истории школы, но кроме этого, как рассказывают его руководители, сегодня есть еще *«страничка ...[про] Южно-Уральские железные дороги, потому что школа 60 лет была в системе МПС. ...Про наших выпускников, которые прошли Афган»*. Окаменелости и кости мамонта могут демонстрировать внушительную временную глубину истории края, но большая часть экспозиций, особенно в части истории поселения и/или предприятия, посвящена советскому периоду со всеми известными особенностями музеефикации советского [Тимофеев 2014; Абрамов 2014; Abramov 2018].

Являясь подразделением школы, музей закономерным образом нацелен на образовательную деятельность (М. Юхневич относит ШМ, наряду с педагогическими и детскими музеями, к категории музеев образования [Юхневич, 2001, гл. 4; 2007]). Там проводятся уроки по учебному плану и классные часы, различные мероприятия – порой мы не сразу могли попасть в музей, потому что там шли занятия. В то же время, ШМ ощущают себя «частью музейной сети страны», как характеризует себя одно из заведений Алапаевска [Панова и др., 2013, с. 2]. «Сеть» и «страна» указывают на важность причастности к профессиональному музейному делу, включенности в сообщество в общенациональном масштабе, хотя обычно ШМ действуют в масштабе поселения, максимум, области. Так, в Златоусте и Добрянке нам рассказывали о триумфальном участии в областных конкурсах, на сайте школы музей упоминается как имеющий «интересные для *местной* истории экспонаты» [МБОУ «Добрянская», *выделено мной* – Н. В.].

Специалисты отмечают, что выражение «музейная сеть» утвердилось в советский период как категория, подразумевающая централизованную организацию и управление сверху. Альтернативу такому видению несет более позднее понятие «музейный ландшафт» [Черкаева 2018], на волне постколониального подхода новой музеологии оно переключает внимание на сами музеи, их формирование снизу; более общей категорией служит (местный) культурно-исторический ландшафт. Институциональные «этажи» нас в данном случае не интересуют, но различие логик «сверху вниз» и «снизу вверх» существенно для понимания того, как выстраиваются экспозиции и экскурсии, какие масштабы задействуются и как они соотносятся.

«Музей проживания исторического события», практикуемый школой № 1 Алапаевска, способствует решению нескольких задач: экономия площадей («мобильный, разборный» – по существу, временная экспозиция) и вовлеченность детей. Как рассказала завуч, сначала приуроченная к памятной

дате тема (Уральский добровольческий танковый корпус, блокада Ленинграда) изучается с детьми, потом между классами распределяют тематические блоки. Искали вещи того времени, но главное, *«старались как можно больше экспонатов сделать своими руками»*. Именно это, по мнению педагогов, обеспечивает особый эффект: школьники *«не просто знакомятся ... с событиями, фактами, предметами, они стараются прожить это все, прожить. ... Например, экспозиция у нас была «питание жителей Ленинграда». Они выпекали по рецепту блокадный хлеб, находили этот рецепт, выпекали, ... столовая им помогла наша»*. Музыка и видео, сопереживание со стороны приглашенных ветеранов помогали создать эмоциональный фон. Впечатляющая когнитивная и аффективная вовлеченность в подобных мероприятиях обеспечивает скорее облегченную, нежели углубленную и критическую работу памяти, с воспроизводством гранд-нарратива.

В той степени, в какой речь идет о работе памяти, представляется продуктивным понятие коммеморативного ландшафта. Это относительно новый термин, активно используемый в англоязычной литературе, первоначально в связи с проработкой памяти о рабстве и др. аспектах истории США [Gundaker, 2001; Alderman, Dwyer, 2014], но не только [Kaiser, Nikiforova, 2006]; российский историк Е. Красильникова в аналогичном смысле использует термин «ландшафт коллективной памяти» [Красильникова 2011; 2015]. В коммеморативном ландшафте выделяют физические маркеры – памятники, мемориальные таблички, музеи, и нефизические – практики экскурсоводов, коммеморативные маршруты посетителей и местных жителей, интернет материалы [Hanna, Hodder, 2015], применительно к российской ситуации сюда же следует отнести деятельность исследовательских и поисковых групп и отрядов, участие в крупномасштабных акциях и проектах. Так, в школе № 8 алапаевского пос. Западный гордятся тем, что «Бессмертный полк» в Алапаевске зарождался именно музеем их школы. Портреты земляков, у которых *«родственников нет, держим память здесь ... Остальные разбирают домой ... И мы даже просим, советуем, что это ваша память, пожалуйста, храните»*.

Для нашего предмета мы вводим также характеристику по критерию открытости / скрытости (видимости / невидимости). В отличие от отдельно стоящих художественных и исторических музеев, ШМ скрыты внутри своих учебных заведений и ничто не возвещает об их наличии при входе, где к тому же действует пропускной режим. Внутри школы музей тоже зачастую никак не анонсируется и если не знать, где именно он находится, можно так его и не увидеть. Обычно это классная комната и/или помещение меньшего размера, запираемое на ключ, как и все прочие кабинеты. При этом открытость является ценностью, о чем свидетельствует настойчивость, с которой в одной из школ Златоуста нам внушали: *«У нас ... все время двери открыты. Время*

есть – [ученики] зашли, посидели, посмотрели. Мы музей не закрываем» (зарешеченная перегородка с дверью, отделяющие расположенный в рекреации музей от коридора, говорили скорее об обратном). В гимназии № 2 Соликамска в недавно (2015 г.) созданном Зале Боевой и Трудовой Славы реализована значительно большая степень открытости: тупиковый участок коридора отгорожен только раздвижными шторами. На них нанесена увеличенная старая фотография улицы Победы, на которой находится гимназия (см. рис. 1)), так что шторы составляют часть экспозиции, состоящей из печатных планшетов и застекленных витрин. Обычно в ШМ (и здесь тоже, в основном пространстве музея) экспонаты можно трогать, но в этом зале их запертость в витринах стала платой за открытость экспозиции.

Рис. 1. Музей истории гимназии № 2 г. Соликамск, раздвижные шторы как элемент экспозиции и компромиссное решение открытости/закрытости (2019 г., полевые материалы автора)

Средством повышения видимости ШМ можно было бы считать выход в интернет-пространство, т. е. расширение арсенала нефизических элементов ландшафта, но, как и в физическом пространстве, на сайте школы музей зачастую теряется, информация подается скупо и редко обновляется. Заметным исключением является сайт школы № 22 г. Серов, правда, и здесь ШМ открывается не на главной странице, к нему ведет путь в несколько шагов:

Главная / Экскурсии / Школьный музей. (Попутно отметим, что этот музей – единственный, у которого обозначены часы работы, что на порядок повышает степень его открытости по сравнению с другими ШМ). Кнопка «Музей истории гимназии» сразу на главной странице имеется у соликамской гимназии № 2 «Солнечная радуга», так мы попадаем на живой, хорошо наполняемый сайт ШМ. В целом, своим сайтом могут похвастаться очень не многие ШМ (богатый и насыщенный сайт музея школы № 8 Златоуста в момент написания статьи, к сожалению, был заблокирован). Помимо сайтов, ШМ начинают заявлять о себе в современных медиа: на Ютубе появляются короткие ролики о ШМ изучаемых городов [Музей школы № 8 г. Алапаевск; Музеи школ 8, 15, 17, 90, 45 г. Златоуст; Музей школы № 17 г. Верхняя Салда и др.].

В коммеморативный ландшафт учебного заведения вовлекаются коридоры, лестничные пролеты, рекреации, входная группа, иногда на территории школы или поблизости есть некий монумент. Как и внутри музеев, здесь доминирует военная тема, все больше школ и техникумов размещают на фасаде мемориальные таблички о погибших в Афганистане и Чечне выпускниках, посвященные им памятные знаки могут располагаться и в здании, как в школе № 22 Серова, по ключевым датам у них выставляют почетный караул и т. п. Развитие подобных практик является проявлением более общей тенденции милитаризации городского коммеморативного ландшафта в целом. В коридорах и холлах многих образовательных учреждений размещены галереи персоналий: герои войны, известные выпускники, сотрудники. Эти пространства не запираются на ключ и доступны всем находящимся внутри здания, их видимости может препятствовать только плохая освещенность.

В заключение отметим, что современное музейное дело ориентировано на личностную вовлеченность (создателей и посетителей) через аффективность и интерактивность, в чем помогает не только отказ от табличек «Руками не трогать!» и использование современных технологий, но и ставка на локальную историю. И если с высокотехнологичным оборудованием в ШМ непросто, то «история местного края», его жителей – это как раз то, на чем они специализируются. Взаимодействие масштабов можно наблюдать в том, как события большой истории одомашниваются и приручаются, будучи показаны и увиденны не сверху, а снизу. ШМ делают места историческими, включают историческое воображение и, наверно, не вина местных музейщиков, что зачастую это происходит по унаследованным от советского периода лекалам.

Список литературы

Абрамов Р. Н. Музеефикация советского: Историческая травма или ностальгия? // Гефтер. 22.01.2014(а). URL: <http://gefeter.ru/archive/11132> (дата обращения: 09.07.2020).

Бринкман Ю. Музеи прикладного искусства и школа // Образовательная и воспитательная задачи современных музеев. Сб. статей по вопросам художественного воспитания народных масс и детей / под ред Л. Г. Ольшанского. СПб, 1914. С. 28–76.

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Молодые города: масштабы мест памяти // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 36–65.

Дубин Б. Архив и высказывание. К социологии музея в современной России // Вестник общественного мнения. 2011. № 3(109). С. 106–109.

Зеленко А. У. Американцы в своих клубах и обществ центрах. М., 1927.

Зеленко А. У. Детские музеи в Северной Америке. М., 1925.

Красильникова Е. И. Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции омского музея в 1920-е гг // Вопросы Музеологии. 2011. № 2. С. 91–103.

Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.): монография. 2-е изд., исправл. и перераб. Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015.

Леонов Е. Е. Исторический аспект появления и развития школьных музеев в России: периодизация, проблемы, особенности работы // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2011. № 17/2. С. 39–49.

Макеева И. А. Школьный музей: история и перспективы // Педагогика: традиции и инновации: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, октябрь 2012 г.). Челябинск, 2012. С. 125–127.

Максимова А. С. Развитие подходов к изучению музеев в социальных и гуманитарных науках // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22(2). С. 118–146.

МБОУ «Добрянская основная общеобразовательная школа № 1 (Кадетская школа)». URL: <http://school1.dobryanka-edu.ru/> (дата обращения: 09.07.2020)

Молодчикова Л. П. Основы организации и работы школьно-политехнического музея (при обращении ФЗС и ШКМ) // Советский музей. 1933. № 1. С. 10–23.

Музей для детей «Зеленка». Музей Модерна, Самара. / реж. Дарья Разумникова. 27.05.2018. [видео] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9c5pmYBaWOs> (дата обращения: 09.07.2020)

Музей школы № 8 город Алапаевск. / реж. Т. А. Пантюхина. 08.10.2018. [видео] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VieE6KJpx74> (дата обращения: 16.07.2020)

Музеи школ №№ 8, 15, 17, 90, 45 в г. Златоусте. Автор – Юлия Оллыкайнен. [б. д.] [видео] URL: <https://www.youtube.com/channel/UCaG9mvKvoxh-pBvF29XPoQA> (дата обращения: 16.07.2020)

Музей школы № 17 г. Верхняя Салда. [б. д.] [видео] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8IX4BWzuSC> (дата обращения: 16.07.2020)

Павлова Ю. В. Роль школьного образования в процессе формирования социальной памяти и коммеморативной культуры // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 10 (54). С. 447–455.

Панова Т. Н. (рук. шк. музея МБОУ СОШ № 5), Абубакирова А. (10 кл.), Абрамова К. (9 кл.) Проект «Школьный музей – хранитель памяти». Материалы для конкурса школьных музеев Муниципального образования город Алапаевск. Алапаевск, 2013. (машинопись)

Страхова Н. В., Харитоновна Л. А. Музеи образовательных организаций: время перемен (на примере школьных музеев Ярославской области) // Таймырский краеведческий музей. URL: <http://www.taimyr-museum.ru/strahova-nv-haritonova-la-muzei-obrazovatelnyh-organizaciy-vremya-peremen-na-primere-shkolnyh-muzeev> (дата обращения: 09.07.2020)

Тимофеев М. Ю. Музеефикация СССР // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. №5. С. 25–33.

Хитков Н. А. Школьный музей: Его значение и организация. Киев, 1913.

Царицынский школьный музей. Каталог учебных пособий Царицынского школьного музея. Царицын, 1912.

Черкаева О. Е. Вопросы терминологии: «музейная сеть» и «музейный ландшафт» // Вестник СПбГИК 2018. № 3 (36). С. 90–94.

Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей: Уч. пособие по музейной педагогике. М., 2001.

Юхневич М. Ю. Образовательный музей (педагогический, школьный, детский). М., 2007.

Abramov R. New Trends in the Museumification of the Soviet Past in Russia (2008–2018) // Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society. 2018. N° 1. P. 183–212.

Alderman D. H., Dwyer O. D. A Primer on the Geography of Memory: The Site and Situation of Commemorative Landscapes // Commemorative Landscapes of North Carolina. Documenting the American South. University Library, The University of North Carolina at Chapel Hill. 2014 URL: https://docsouth.unc.edu/commland/features/essays/alderman_two/ (accessed: 09.07.2020)

Gundaker G. At home on the other side: African American burials as commemorative landscapes // Places of Commemoration: Search for Identity and Landscape Design, ed. J. Wolschke-Bulmahn. Washington, 2001. P. 25–54.

Hanna S. P., Hodder E. F. Reading the commemorative landscape with a qualitative GIS // Social memory and heritage tourism methodologies, ed. Hanna S. P., Potter A. E., Modlin E. A., Carter P., Butler D. L. New York, 2015.

Kaiser R., Nikiforova E. Borderland spaces of identification and dis/location: multiscalar narratives and enactments of Seto identity and place in the Estonian/Russian borderlands // Ethnic and Racial Studies. 2006. N° 25. P. 928–958.

УДК 39 + 77

И. А. Головнев

КИНОДОКУМЕНТ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (НА МАТЕРИАЛАХ СОВЕТСКИХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ О САХАЛИНЕ)¹

В первой половине – середине XX в. советская кинопромышленность активно выпускала в широкий прокат просветительские фильмы о жизни отдаленных регионов страны, открывая зрительской аудитории возможность совершать виртуальные кинопутешествия по многоукладному и полинациональному Союзу. Была у этого процесса и политическая подоплека – создание экранных кино-образов дружной и прогрессивно развивающейся при социализме страны для популяризации внутри СССР и за рубежом. В частности, сохранившиеся в Государственном историческом архиве Сахалинской области фильмы этно-географического характера, обзору которых посвящена данная статья, содержат многослойную информацию о колонизации данного фронтирного региона, отражают идеологические, культурные и политические проекции своего

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-00076 «Традиционные этнокультурные сообщества Севера в этнографическом кино», руководитель И. А. Головнев.